

Марина Йоргенсен

Португалия, г. Лиссабон

До свиданья, Чебурашка!

Солнечный свет и ощущение счастья. Я открываю один глаз. Потом второй. Да, солнечный свет. Такой пронзительный, такой радостный, такой, какой бывает только в детстве. Потягиваюсь и упираюсь ногами в спинку кровати. Спинка у кровати деревянная, но под ногой у меня что-то пушистое и совсем не деревянное.

И точно не одеяло. Мое стеганное одеяло в хлопчатобумажном пододеяльнике мягкое, но совсем не пушистое. Что это может быть? Или кто? Вытаскиваю это пушистое «что-то» из-под одеяла...Чебурашка! Из спектакля? Он приехал из театра ко мне в гости?!

– Вижу ты уже проснулась и своего нового друга обнаружила, – улыбается бабушка.
– Сюрприз к тебе в гости приехал.

– Волшебный сюрприз, – отвечаю. – Как он узнал, где я живу? Он, что убежал из театра и теперь будет жить у нас?!

В Кукольный театр я ходила с родителями на прошлых выходных смотреть спектакль про Чебурашку и его друзей.

Признаться честно, сам спектакль я сейчас в подробностях не помню, а эпизод про Чебурашку, о том, как он у меня поселился дома, врезался в память навсегда. Было мне тогда, по словам родителей, три года. И это одно из самых первых ярких воспоминаний детства. Воспоминания крутятся в голове хаотичным калейдоскопом и постепенно начинают растворяться в памяти, как капелька акварельной краски в граненом (том самом, дизайна Мухиной) стакане с водой. Поэтому буду рассказывать. Про детали. И про Чебурашку.

Важная деталь детских воспоминаний – сад имени Дзержинского. Тот самый, в котором в самом начале девяностых появился первый настоящий ночной клуб «Мэдисон». Но это случилось гораздо позже и тогда я уже не жила в большом доме напротив, который под номером семьдесят девять. Если выйти из его арки и перейти дорогу, то сразу попадаешь в сад имени Дзержинского, который не просто сад, но и настоящий парк. Он мне казался огромным. И деревья были большими. Разглядывать деревья было не очень интересно. Подумаешь, деревья! Интересней было кататься на трехколесном велосипеде, который родители брали для меня в отделении проката парка. Прокатиться на карусели «Ромашка» хотелось даже больше, чем на велосипеде. Но ни по возрасту, ни по росту я на этот аттракцион не проходила. Как же хотелось скорее вырасти! Закрыть глаза, подпрыгнуть три раза на одной ноге и оказаться взрослой. Волшебство взрослой жизни манило возможностями принимать решения...

А пока жизнь состояла из простых и понятных каждому ребенку родом из семидеся-

тых радостей: прыгать в резиночку с соседками, играть в классики, прятки и догонялки. И качели до головокружения. И конечно же любимые игрушки! Среди которых был Чебурашка – один из важных участников всех моих игр. Пирожные с масляным кремом за двадцать две копейки из соседнего Гастронома тоже важная деталь моих детских воспоминаний. И мороженое Пломбир за двадцать копеек. Горло болело часто, поэтому мороженое мне перепало редко. Но как же хотелось мороженого! Постоянно.

– Вот стану взрослой, буду завтракать исключительно мороженым! – мечтала я. – А может быть и обедать.

А потом после долгой прогулки в парке мы с бабушкой шли в хлебный магазин, что на углу дома номер сорок. Кроме хлеба (белого, украинского и бородинского) там всегда продавались бублики с маком. Бублики с маком я не любила. Но могла немного съесть («поклевать» по выражению бабушки) за компанию с соседкой-ровесницей Таней, большой любительницей бубликов с маком. Зато я очень любила томатный сок. Сок наливался в граненый стакан из стеклянного конуса. В такие же конусы в отделе «Соки – Воды» были налиты немного любимый грушевый с мякотью и совсем не любимый яблочный без мякоти. Весной появлялся березовый. Сезонное предложение – как это сейчас называется. Специально для томатного сока на прилавке стояли два граненых стакана: один с солью, второй – с чайной ложкой в мутной воде. Этой ложкой полагалось добавить в свой сок соль по вкусу. Пишу и понимаю, что «мутная» – это прилагательное от меня сегодняшней. Взрослой. А тогда мне казалось, что это абсолютно нормально, что незнакомые друг с другом люди добавляют соль в свой стакан одной и той же ложкой. У моих родителей такое положение вещей тоже не вызывало, как я понимаю, особых возражений. Что и говорить, это были времена, когда детей не пристегивали ремнем безопасности. И в прямом, и в переносном значении этого выражения. Но и скорости были другие. И на дорогах города, и на дороге, имя которой «жизнь».

А вот бабушка прекрасно все понимала про магазинный томатный сок. Что он хуже, чем домашний. Поэтому специально для меня делала домашний томатный сок. Соковыжималки у нее не было. В конце семидесятых соковыжималки ни у кого не было, или почти ни у кого. Бабушка вручную, через сито, перетирали помидоры, добавляла немного соли и подсолнечного масла. Потому что полезно.

– Марина, будешь пить томатный сок?

– Конечно буду! Ах, этот...

На глазах слезы и ощущение, что жизнь меня зачем-то решила обмануть. Опять. Я скулила, гордо заявляя, что «буду устраивать голодовку», пытаюсь вызвать жалость у всей семьи, но мой писк и авторитет бабушки были в разных весовых категориях. Бабушка была в нашей семье непререкаемым авторитетом. В прошлом – спортсменка со значком ГТО (да и выполненных прыжков с парашютом столько, что и не сосчитать), первый выпуск ХАИ, инженер-авиаконструктор первой категории. В настоящем – заботливая бабушка. Все еще красавица. Потом, позже, мама рассказывала, что в детстве на фоне бабушкиной красоты она чувствовала себя нескладно сшитым гадким утенком.

Как же я не любила этот лохматый сок! Он был не просто с мякотью, он был лохматый! Да еще и это противное подсолнечное масло. Потому что у ребенка частые ангины и его надо «штопать». Напитывать всем полезным. Витаминами.

А Чебурашка? Он продолжал быть частью моей жизни. Но уже не такой важной. Появлялись новые занятия, новые интересы. Танцы, плавание, рисование, фигурное катание. «Драмкружок, кружок по фото». Из новых друзей – Мишка из фонтана в Первомайском сквере. Это было уже позже, когда мы переехали жить в центр города. Я приветствовала Мишку каждое утро по дороге в детский сад. – Доброе утро, Мишка!

Мишка в ответ приветственно махал лапой. Он был важной константой моего детства. Хоть тогда я и не знала этого слова, «константа».

Потом добавились музыкальная школа и общеобразовательная. С подружками мы играли во дворе в бадминтон, а дома – писали песенники. Переписывали от руки друг у друга слова любимых песен, красивые цитаты. О любви, о дружбе, о счастье. «Счастье – это полномочье над своей собственной судьбой вопреки превратности любой». Сложно объяснить детям эпохи интернета, что такое «Песенник» и зачем он был нужен. Еще мы с подружками подбирали на пианино любимые мелодии. Where do I begin to tell a story...

–Марина, ты же не играешь с этими игрушками? Как же их тут много! Что-то с этими пылесборниками надо делать. Все равно ведь не играешь?

Мне тринадцать лет. Я больше не играю с игрушками. Я могу их обнять в порыве грусти или нежности – кудлатых, немного потрёпанных друзей детства. Их много. Они сидят на платяном шкафу и не могут понять, что происходит. Почему все не так, как было тогда, раньше. Вот Мамонтенок Фуф. Вообще–то он был слоном, когда мне его подарили. Но из-за повышенной лохматости был назначен мамонтенком. Вот Мишка, а рядом – Мишка–Дедушка. В отличие от Мишки, Мишка–Дедушка даже старше, чем я. Кукла Катя, кукла Лена, кукла Наташа. Куклы Стелла и Виллина названы в честь добрых фей из любимой сказки Волкова «Волшебник изумрудного города». Кажется, они понимают свое особенное место в моей жизни и поэтому держатся от своих соседок особняком. К ним в компанию затесался Чебурашка. Он тоже считал себя волшебным и важным. Он задумчиво и как будто вопросительно смотрит на меня. –Я все еще тебе нужен? Один его глаз однажды отвалился, был посажен на клей и поэтому пожелтел. Мне неловко смотреть ему в глаза. Неловко за свой честный ответ на его немой вопрос. Я казалась себе взрослой. Я очень хотела быть взрослой.

–Марина, может подарим твои игрушки другим детям? Все равно ведь давно с ними не играешь?

Во дворе нашего дома находился детский сад. А что? Хорошая идея! Дети выйдут на прогулку и обрадуются новым игрушкам.

На следующий день мы с мамой выносим игрушки во двор, на игровую площадку детского сада. Кукла Катя, кукла Лена, кукла Наташа...Рассаживаем их всех на скамейке в два плотных ряда.

Начинает накрапывать дождь. Мы переносим игрушки со скамейки в облезлый железный домик на сваях. Не то избушка на курьих ножках, не то мельница. К одной стороне железного домика приделан нелепый пропеллер.

Чебурашка смотрит на меня внимательно. Мне стыдно смотреть ему в глаза. И ему, и другим игрушкам. Жгуче, нестерпимо стыдно. Чувствую себя предателем. На глаза наворачиваются слезы. Зайку бросила хозяйка, под дождем остался Зайка...

– Марина, если хочешь, давай заберем их домой, – увидев мое смятение, предлагает мама.

Я не хочу. Я кажусь себе взрослой. Я очень хочу быть взрослой. Взрослые не играют в игрушки.

Дождь перестает накрапывать и начинает лить так, как и положено осенью. Мы с мамой спешим домой.

Солнечный свет и я уже взрослая. Я иду по улице Ленина, потом поворачиваю на Красный проспект, прохожу мимо супермаркета «Зебра». Из его дверей выходят девочка и бабушка. Одной рукой девочка держит бабушку за руку, в ее другой руке...Не может быть! Чебурашка. Мой Чебурашка! В том, что он тот самый, мой Чебурашка, нет

ни каких сомнений. Чебурашка смотрит на меня задумчиво своим желтым глазом, который однажды отвалился, был посажен на клей и поэтому пожелтел. Он меня узнал? Он меня простил?! Мой старый друг из волшебной сказки про детство...

Я хочу подбежать к девочке и ее бабушке. Расспросить про Чебурашку. Как он жил все эти годы? Рассказать, что когда-то он был моим. Мне становится неловко за мой нелепый порыв. Стою и смотрю, как маленькая девочка и ее бабушка сворачивают в Первомайский сквер и исчезают с моего поля зрения. На глаза наворачиваются слезы. На душе – умиротворение. Солнечный свет и ощущение счастья. Ты очень нужен! Как хорошо, что ты нужен и твоя волшебная сказка продолжается.

До свиданья, Чебурашка!